

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008.001

КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Красильникова М. Б., кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины», Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. Н. Н. Ползунова (г. Рубцовск). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

В статье рассматриваются особенности восприятия и понимания времени, свойственные отдельным периодам русской культуры. Концепция времени является одной из наиболее значимых характеристик культуры. Идея времени претерпевает изменение в ходе культурно-исторического развития. В истории культуры можно выделить периоды относительно устойчивые, в которые проявляется достаточно определенная модель времени, и эпохи переходные, где происходит наиболее явная трансформация временных представлений. Анализ наиболее значимых изменений в модели времени может служить основанием для выявления особенностей динамики культуры.

Ключевые слова: концепция времени, динамика культуры, русская культура.

THE CONCEPT OF TIME IN THE HISTORICAL DYNAMICS OF RUSSIAN CULTURE

Krasilnikova M. B., Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Humanitarian Disciplines, Rubtsovsky Industrial Institute (branch) of N. N. Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

The article considers features of perception and understanding of time, specific for different periods of Russian culture. The time concept is one of the most important characteristics of culture. The idea of time has changed in process of cultural and historical development. In history of culture, the relatively stable and transitional periods with the most obvious transformation of time concept can be identified, in which quite certain model of time appears. The analysis of the most significant changes in the time concept is the basis for identifying the features of dynamics of culture.

Keywords: time concept, dynamics of culture, Russian culture.

Представления о времени, свойственные культуре, можно рассматривать как одну из наиболее ярких ее характеристик. Особенности культуры выявляются при прояснении специфической картины времени в ней. Метаисторическим фундаментом русской культуры (как и любой другой) выступает национальный «образ» мира, который находит свое отражение в языке, мифологии, религиозном культе, искусстве, философии. Система

наиболее общих представлений о мире включает в себя и национальный «образ» времени. Он является основой временных представлений культуры в разные ее исторические периоды. Идея времени, свойственная культуре, претерпевает изменения в ходе культурно-исторического развития. Каждая историческая эпоха привносит свои смыслы в представления о времени, на каждом своем этапе культура вырабатывает новое «чувство» времени.

В культурно-исторической динамике Руси-России можно выделить несколько периодов, характеризующихся устойчивым, явно выраженным «временепониманием», и несколько «разрывных», переходных эпох, когда наблюдается слом культурной картины мира и, соответственно, трансформация пространственно-временных представлений. Изменения в восприятии времени отражают особенности динамики культуры. Традиционная версия периодизации русской культуры представлена вычлениением трех крупных периодов: Киевского, Московского и Петербургского. Однако изменения типа культуры, повлекшие за собой основные изменения временных представлений, связаны с принятием христианства, вхождением русской культуры в нововременной период. Наиболее очевидные переходы в истории русской культуры – это переход от Средневековья к Новому времени (XVII–XVIII века), переход от классической парадигмы к неклассической (рубеж XIX–XX веков, Серебряный век), современность (рубеж XX–XXI веков).

Дохристианскому периоду русской культуры свойственно природное, циклическое понимание времени. Стоит отметить, что время в культуре не бывает однородным, всегда можно наблюдать «наслоение времен». Природное время как «народное» время сохраняется и после принятия христианства. Сосуществование разных принципов времяпонимания обусловлено социальной неоднородностью культуры и постоянным взаимодействием в ней «старого» и «нового» в ходе исторических изменений.

Принятие христианства стало для русской культуры периодом вхождения в историю, периодом формирования представлений о времени-истории и осознания временной перспективы. Вместе с христианством была воспринята выработанная им концепция времени, особенностью которой является внесение смысла в «сумятицу времен». Циклизм древних отвергнут христианским миропониманием: «По кругу блуждают нечестивцы, не потому, что по кругу, как полагают они, будет возвращаться их жизнь, а потому, что таков путь заблуждения их. Священная история, устрояемая Богом, идет по прямой линии» [1, с. 95]. Христианское время векторное, оно имеет «начало», каждая его «часть» наполнена глубоким смыслом. Пророческая нацеленность христианской истории определена ветхозавет-

ной традицией, для которой характерно переживание времени как эсхатологического процесса, как напряженного ожидания великого события, завершающего историю. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом христианского времени и его двойственным пониманием: поскольку Священная история устремлена к Богу, то христианское время оказывается амбивалентным: оно и линейно – развернуто, структурировано, и циклично так как возвращается в Вечность. С одной стороны, время есть «исчезающее существование», а истинно существует лишь то, что остается неизменным, с другой – в результате действия Творца на мир, изменения, в мире происходящие, приобретают сакральный характер. История есть временность, которая в самые напряженные моменты прорывается в вечность, соприкасается с вечностью. Противоречия между временем и вечностью разрешаются в конечной точке истории исчезновением времени и погружением его в вечность («... времени уже не будет...» Откр. 10: 6).

Христианская традиция представляет собой одну из важнейших стержневых линий русской культуры, связывающих разные ее периоды в ценностно-смысловой континуум. Принцип временной структуры, модель времени, заложенные этой традицией проявляются на разных этапах ее развития. Уже мир Ветхого Завета – это «олам», «век», то есть поток временных свершений, история. Русская культура осознает себя включенной в этот поток, вырабатывает систему временных представлений. Горизонты видения расширяются, история осознается как «сцепление» времен. Время в контексте христианского видения мира обрело начало и конец, стало исчисляемым. Значимым компонентом древнерусской культуры выступает летописная книжность. Летописи представляют собой описание событий во времени. В них уже определена «начальная» точка времени, относительно которой выстраиваются события, и «направление» времени. Д. С. Лихачев назвал древнерусскую литературу литературой одного сюжета, и сюжет этот – мировая история. В соответствии с христианской традицией все события, зафиксированные в летописях, включены в более значимый контекст: соотнесены с сюжетами мировой истории, которая, в свою очередь, является частью истории божественной [7, с. 8–10]. Ценность истории определяется ее соотнесенностью с Вечностью. Время, включен-

ное в Вечность, течет неспешно. По замечанию А. Панченко, «обновление» в православной истории есть движение не только вперед, но и вспять – постоянная оглядка на идеал, который находится в Вечности и в прошлом. История при такой обусловленности имеет вид неподвижной и не развивающейся во времени Вечности [8, с. 63].

Несмотря на кажущуюся статичность древнерусской культуры, позволяющую предположить доминирование в ней пространственных характеристик над временными, время все же выполняет в ней роль структурообразующего элемента, является основой для формирования «главного» культурного мифа. Анализируя временную структуру «Повести временных лет», И. Д. Данилевский говорит о специфических функциях временных деталей в летописи. С точки зрения автора, основу временной организации летописи составляет эсхатологический сюжет [4]. Вслед за автором можно признать, что эсхатологическая идея становится базовой для древнерусского хронотопа.

Национальная мифология, связанная с временными представлениями, оформляется в Московский период. В качестве особенности ментального комплекса русской культуры часто отмечается «власть пространства», приоритет пространства над временем. Исследователь «национальных образов мира» Г. Д. Гачев заметил, что для русского менталитета характерно «высокомерно-пренебрежительное отношение ко времени» [3, с. 66]. Представляется, что это «пренебрежение» есть результат не только подчиненности времени пространству, но и особенности взаимодействия временного-вневременного, ориентированности культуры на «вневременное». В качестве проявления национального своеобразия можно выделить формирование собственной русской историософии, отличающейся крайней эсхатологичностью. Один из исходных тезисов русского самосознания «Москва – Третий Рим...», дающий начало отечественной историософии, содержит в себе одновременно мысль о вступлении России в мировую историю и включении ее в метаисторию, время преодолевающую. Тезис имеет эсхатологическое звучание. Эсхатологический миф можно рассматривать как один из основных в национальной мифологии. Историческое сознание формировалось в контексте эсхатологической модели.

В европейской культуре формирование новой временной модели времени начинается раньше,

чем в русской, и время раньше становится объектом измерений. Уже в XIII веке утверждается «время башенных часов». Знаковое соединение времени с элементами религиозного культа – возведение башенных часов напротив церковных колоколен – свидетельствовало о том, что «время, принадлежавшее лишь Богу, становилось собственностью человека» [6, с. 56]. Таким образом, уже в XIII веке в европейской культуре начинается переход от церковного времени к мирскому как «научно-городскому измерению цивилизации». Часовой «учет» времени придает ему «математический смысл» [6, с. 41–42]. В России первые часы были установлены в 1404 году на Московском Кремле афонским монахом «сербином» Лазарем. Первые летописные данные о создании механических часов относятся к началу XV века. **Время стало не просто исчисляемым, но «видимым».** Об установке в Москве башенных часов («часомерья») упоминается во многих летописях как о событии государственной важности [9, с. 12]. Позже башенные часы появились в Новгороде, Пскове, но широкое развитие строительство башенных часов получило в России лишь в XVI веке. Однако это не было свидетельством усвоения культурой новой модели времени. Православно-религиозные представления о времени сохраняются в русской культуре вплоть до XVII века.

Переход от Московского периода к Петербургскому, от традиционной культуры к нововременной знаменует перестройкой структуры временных представлений. В европейской культуре линейная модель времени закрепилась в Новое время. Русская культура вошла в Новое время с опозданием относительно культуры европейской. Она достаточно долго сохраняла свою традиционность, что предопределило своеобразное видение и понимание истории и времени. Линейная модель времени и европейское понимание истории оказываются для нее заимствованными, как заимствуются и другие элементы европейской культуры в эпоху Просвещения. Сложное переплетение «старого» и «нового» в культуре переходной эпохи нашло отражение в смене временных представлений. Основной линией «разлома» стал спор, развернувшийся в историософской плоскости: «об историческом идеале, исторической дистанции, о соотношении духа и интеллекта, человека и времени, о вечном и бренном»

[8, с. 53]. На смену характерной для традиционной культуры истории как «эха Вечности», как «Вечности-в-настоящем» приходит представление об истории как процессе во времени. Исход такой истории не предопределен. Новая модель времени открывает историю как возможность «новизны», где обновление есть дело рук человеческих. Человек выходил из истории-Вечности в свою самостоятельную «историю» во времени. Русская культура постепенно переходила от созерцания мира в аспекте вечности к активному отношению к нему в аспекте времени. Показательно, что постепенно дробное, измеряемое «математически» время стало элементом бытовой культуры. В обиходе появляются часы – сначала как некое новшество. Начиная с XVI века, из Европы в Россию проникают часы напольные, настенные, карманные, чаще всего в качестве «поминок» – подарков [9, с. 34]. Постепенно культура переводила это «новшество» в жизненный принцип.

Петровская эпоха стала тем периодом, когда время утрачивает сакральность. По сути своей оно было европейским, заимствованным. В этом «импортом» времени уже не мифологическое прошлое (пра-время) и божественная Вечность, а будущее задавало ценностную разметку. Московское «эсхатологическое» время уступало место петербургскому – секулярному, государственно-му, европейскому. Традиционная культура, ориентированная на божественные вневременные ценности, сменялась новременной, где история понималась как бесконечное непрерывное обновление. Вечность была потеснена повседневностью, социально-историческим измерением бытия. В 1702 году вышла в свет первая русская печатная газета «Ведомости», где освещались политические новости, события внутригосударственной и международной жизни. Время обрело новые ритмы, основополагающей идеей культурного периода стала идея динамизма, историзма.

Проникающий в русскую культуру принцип историзма был связан с истончением трансцендентного начала в мире, но не с его исчезновением. Несмотря на процессы секуляризации, русская культура не утратила идеациональных установок, архетипического восприятия истории, времени. Принцип включенности времени-истории в предвечный замысел сохраняется, хотя ослабевает. В качестве основного национального мифа сохраняется эсхатологический миф, разре-

шающий противоречия между временем и вечностью, хотя при включении русской культуры в новременный период он приобретает специфические характеристики.

Петербургский период русской культуры завершается Серебряным веком – краткой, но самостоятельной культурной эпохой, характеризующейся своим «чувством» времени. Разломная эпоха рубежа веков знаменовалась актуализацией эсхатологического мифа, для которого свойственна циклическая модель времени. Но это не было возвращением к архаическому циклическому времени, не знающему проблемы начала и конца. Религиозно-мистические искания порубежной эпохи, вырастающие из эсхатологического, апокалиптического мироощущения, в самых разных проявлениях были устремлены к одной цели – «концу истории», прорыву в метаисторию или «новую» историю. Русская религиозно-философская мысль отозвалась на общую проблематику эпохи учением о всеединстве, богочеловечестве, Софии, в контексте которых разрешается вопрос о «смысле» истории, разрешаются противоречия между временем и Вечностью. Искусство подхватывает религиозно-философскую идею теургии – творческого преображения мира. Эпоха грезилась идеей преодоления времени [5].

Н. А. Бердяев отмечал, что христианская цивилизация Запада строилась вне эсхатологической перспективы. Философ противопоставляет эсхатологическое понимание христианства, свойственное, по его убеждению, русской культуре, историческому его пониманию, реализуемому в культуре европейской, обращенной к «благоустройству земли» [2, с. 122–123]. Поскольку в православии эсхатологическая сторона христианства выражена очень сильно, принцип усвоения времени в его подчиненности вечности имел для русской культуры чрезвычайно важные последствия. С ним связана идея «Божьего блюдения», включенности земной судьбы в Божественный мир. Если в европейском культурном регионе восторжествовала идея линейного времени, связанного с историзмом, то для русской культуры характерно его понимание в теологическом контексте.

Утопическая мечта о преображении мира преображенным человеком утратила свои религиозные основания в следующий период русской

культуры, основой которой было мироустроительство, низводящее «небо» на землю. Другая, нарождающаяся, культура предлагала свою трактовку времени, соответствующую ее ценностно-смысловым установкам. Вариант такой трактовки можно найти в романе А. Платонова «Котлован» (1930), где гротескно, а порой и трагически представлено пространственно-временное измерение становящейся культуры. Непокколебимая вера в то, что «счастье наступит исторически», выступает основанием нового понимания «преображения» мира. «Преображение» должно стать планетарным. Вопрос о конце истории разрешится строительством «в середине мира» (то есть сакральном центре) башни, куда «войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли» [10, с. 21]. Время, измеряемое пятилетними планами, вытягивается в линию, устремляется к неподвижному вечному счастью. Проявившая себя на рубеже веков циклическая модель времени отходит на второй план, ее вытесняет динамическое линейное время («Время, вперед!»).

Современный период русской культуры характеризуется переходностью, проявляющейся

и в картине пространственно-временных представлений. Модель времени, соответствующая современному периоду, реализуется в ситуации парадигмального сдвига. Существенное значение для идеи времени в современной отечественной культуре имеет эстетика и философия постмодернизма, представления о фрагментарности, ризомности истории, «постисторическом» ризоматическом времени. Утверждаемая постмодерном «постистория» декларирует отказ от линейного видения социальной динамики, отказ от любых «смыслов» истории, от ее целостности. Эти установки оказались созвучными ситуации «разрыва» истории, переживаемой современной отечественной культурой. Прошлое перестало быть понятным и стало предметом противоречивых интерпретаций. «Распавшаяся» история базируется на «распавшемся» времени, где не работает ни линейная, ни циклическая его модель.

Исследование «чувства» времени, восприятия времени, соответствующих современной российской действительности, дает возможность более глубокого осмысления разворачивающихся социокультурных процессов.

Литература

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: СОДА, 1997.
2. Бердяев Н. А. Русская идея // Вопр. философии. – 1990. – № 2. – С. 77–145.
3. Гачев Г. Д. Национальный космо-психо-логос // Вопр. философии. – 1994. – № 12. – С. 59–78.
4. Данилевский И. Н. Восприятие пространства и времени в Древней Руси // Уранос и Кронос. Хронотоп человеческого мира. – М.: РТ-Пресс. – С. 98–145.
5. Красильникова М. Б. Между временем и вечностью: русская религиозная философия в контексте культурного перехода рубежа XIX–XX веков: моногр. – Барнаул: Изд-во Алтай ун-та, 2007.
6. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: время труд и культура Запада. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
7. Лихачев Д. С. Литература Древней Руси // Сборник: Повести Древней Руси / сост. и примеч. Д. С. Лихачева и Н. В. Поньрко. – М.: Художеств. лит., 1987.
8. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры, том III (XVII – начало XVIII века). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
9. Пипуныров В. Н., Чернягин Б. М. Развитие хронометрии в России. – М.: Наука, 1977.
10. Платонов А. П. Котлован. – М., 1987.

References

1. Averincev S. S. Poetika rannevizantijskoj literatury. – M.: SODA, 1997.
2. Berdjaev N. A. Russkaja ideja // Vopr. filosofii. – 1990. – № 2. – S. 77–145.
3. Gachev G. D. Nacional'nyj kosmo-psiho-logos // Vopr. filosofii. – 1994. – № 12. – S. 59–78.
4. Danilevskij I. N. Vosprijatie prostranstva i vremeni v Drevnej Rusi // Uranos i Kronos. Hronotop chelovecheskogo mira. – M.: RT-Press. – S. 98–145.
5. Krasil'nikova M. B. Mezhdru vremenem i vechnost'ju: russkaja religioznaja filosofija v kontekste kul'turnogo perehoda rubezha XIX–XX vekov: monogr. – Barnaul: Iz-vo Altaj. un-ta, 2007.
6. Le Goff Zh. Drugoe Srednevekov'e: vremja trud i kul'tura Zapada. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000.
7. Lihachev D. S. Literatura Drevnej Rusi // Izbormik: Povesti Drevnej Rusi / sost. i primech. D. S. Lihacheva i N. V. Ponyrko. – M.: Hudozhestv. lit., 1987.

8. Panchenko A. M. Russkaja kul'tura v kanun petrovskih reform // Iz istorii russkoj kul'tury, tom III (XVII – nachalo XVIII veka). – M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996.
9. Pipunov V. N., Chernjagin B. M. Razvitie hronometrii v Rossii. – M.: Nauka, 1977.
10. Platonov A. P. Kotlovan. – M., 1987.